

Йоханнес Холурштейн
Игра света и тени

Йоханнес Холурштейн

Игра света и тени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54979366

ISBN 9785449880635

Аннотация

Данный сборник представляет собой опыты томительной и погибшей юности, отданной на растерзание скорой старости. Опыты, запечатленные здесь, разверзают душу безликого автора возможным читателям на поругание или скромное сочувствие боли и мукам, что пережил он. На небольшое одобрение или великую хулу. Засим великодушно прошу вас перевернуть хотя бы пару страниц и прочитать несколько строк.

Содержание

«И грянет свет» (подражание)	5
«Свет»	8
«Голова – раскалённый бидон»	11
«Цвет»	12
«Хотелось ли цветам когда-либо жить...»	15
«К Вайолет»	16
«Жизнь увядает, вянут и цветы...»	19
«Риэ»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Игра света и тени

Йоханнес Холурштейн

© Йоханнес Холурштейн, 2020

ISBN 978-5-4498-8063-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«И грянет свет» (подражание)

Уж ночь темна
И в сердце страх.
Дожить бы нам
Хоть до утра,
И грянет свет.

Сплотимся мы
Перед огнём
И песни петь
Решимся вновь,
И грянет свет.

Вдруг боль уйдёт
И с нею страх,
Лишь огонь в глазах
Зовёт нас в путь,
И грянет свет.

Мечта в умах
Нас в мир ведёт
Людей спасти
И брешь закрыть,
И грянет свет.

И меч ты свой
Вновь обнажи,
В последний бой
Его пусти,
И грянет свет.

Хоть тьма кругом,
На бой пойдём,
Не испустив
Последний вздох,
И грянет свет.

«Свет»

Свет жестокосердный алюминиевой лампы в операционной, где вскрывают тело бездомного, тело, подгнившее, с кучей побоев, с впалыми щёками, сухими и рваными волосами, с глазами, впавшими в бездну сознания, со слезами, засохшими в глотке его, с рельефным следом на шее.

Он не был гонителем, не был мучителем, лишь сочинителем историй пустых. Строки слагал он и смыслы спрягал на бумаге, желая добиться чего-нибудь в жизни, желая познать и себя.

Свет освещает каждую часть его тела, рассказывает историю его, не спрятаться мелким ушибам на теле, не скрыться и маленьким точкам на венах...

Он был одиноким, забытым поэтом, со своими мечтами и трудностями, хотел он писать, стать известным, и чтобы венок на чело водрузили его. Но был он растоптан людским благочестьем, стремленьем угробить себя самого.

Свет до последнего вздоха поэта грозился ему погаснуть навек, луной возвещая о скорой утрате, а солнцем – грядущие чудеса.

Он не был убогим и бесталанным, поэт был простой, но со своею ненужною силою, стихи неопрятные в форме слагал, что были подчас лишены и значения, или лежало оно на поверхности лжи.

Свет мягкосердечный обычной лампы падал ему на лицо, тень отбрасывая печали и грусти, что полонили думы его, тень благородного лика, уставшего в битве с судьбой, каждой морщинке дорожку он вывел на дряхлом столе без ножки и скатерти.

Он был подчас завсегдаем грязных пирушек, слыл скажителем самых похабных шуток, но удаляясь к себе в комнатушку сочинял не стишки, а стихотворения.

Свет лучезарного солнца освещал его путь и бденье дневное, работу тяжелую он выбирал и с улыбкой ее совершал, без тени сомнения, тени усталости, вновь и вновь совершал он тупую и монотонную, убогую и неблагородную работу во имя целого мира, но не во имя себя.

Он был скромно одет в сюртучок потускневший, с фуражкой дырявой и плохонькими сапогами, без плотного пальтеца, без перчаток, шарфа, но с чистою рубашонкой и вечно белым бельём.

Свет от воротника его разливался белизной, поражая всех встречных, знакомых. Был беден, до ужаса беден, даже смерти и голоду страшно смотреть на него, но вечно в белой рубашке, сияющей чистотой.

Он был неженат, он был бездетен, он был оставлен друзьями, семьей, он не добился поставленной цели и дни закончил в убогом переулке на скатерти и без ноги, с улыбкой и в вечно блестящей рубашке.

Свет подсветил всю его жизнь: от первого вздоха и до последнего; улыбкой своей и воротником он осветил получше дневного светила проблемы всего человечества, вывел он их на бумаге, вдолбил буквами в холст, чтобы мы, кровожадного Бога потомки, лицезрели страдания человека.

Рассветные крики мечты иллюзорны,
Веселые страсти сыграли с людьми.
Надежда осветит печальные жизни
И эхом взорвется в бездонной ночи.

«Голова – раскалённый бидон»

Голова – раскалённый бидон
Под гнётом вулкана раздумий.
Обжигающей страсти поток
По венам тончайшим бредёт.

«Цвет»

Час давно минул полночный
Прогремели клокала
В дверь раздался крик истошный
Пролилася вдруг вода

Бледный лик луны участный
Разрывал там небеса
В дом вливая свет несчастный
Раздались вновь голоса

Стук копыт раздался быстрый
Постучали во врата
Глаз лишённых всех желаний
Обращая вспять бега

Свет луны прервался яркий
Приглушились голоса
Красный морок безучастный
Разорвал им телеса

Хохот выпалил ужасный
Задрожали деревья
Он сидит в желаньях быстрый

Разливая всем вина

Труп что справа спит бесстрастный

Прожигая с ним лета

Труп что слева служит властный

Распаляя с ним уста

Стук костей по праву красный

Заплясали кто куда

Бал в ночи проходит тошный

Так печально клопоча

Взор очей вперяет мутный

Раздирая чудеса

В солнца свет столь лучезарный

Забывая про себя

Стук во дверь раздался новый

Проклиная небеса

Он очнулся чистый свежий

Различая вновь цвета

«Хотелось ли цветам когда-либо жить...»

Хотелось ли цветам когда-либо жить,
Дышать воздухом дивных просторов,
Любоваться восходами яркого солнца,
Смиренно выслушивать крики раздоров?

«К Вайолет»

Если б я мог отразить свои чувства в письме,
То боле бы я не страдал здесь в тоске,
Я больше б не мыслил о смерти.
Лишь фразы хватило бы мне.

И вот восседаю с пером,
Качается в море паром,
Занёс перо над листом.
Давно уж засохли чернила.

Перо отложил и смял пустой лист,
Мгновенье и буду сознанием чист,
Страданья закончились, скоро рассвет,
Солнце восстала и пал лунный свет.

Новой Бастилии пал бастион,
Раб под мечом испускает свой стон,
Мгновенье и царь сменяет свой тон,
Спасенье пришло от царя-императора.

Паром сбавляет свой ход,
Пик башенный в гавани горд,
Причалили. Вышел народ.

Мне тяжело спускаться. Парод.

Горят фестивалю огни.

Люди пьянеют одни здесь в ночи.

Сквозь толпы иду, болят мои руки,

Кто-то задел их и взвизгнул слегка.

Я прощенья прошу, удаляясь,

Оставляю их всех, усмехаясь.

Все дальше от площади, врозь

Я бреду от сознания, вдруг ось.

Заполняет пространство у рынка:

Вижу стены, врата барбакана.

Направляю свой путь я из града,

Покидая веселья юдоль.

Мгновенье – я снова в каюте,

Лежу головой на листке,

Засохли чернила в пере,

Не написал я ни слова тебе.

Нет слов у меня на устах,

Дабы выразить их на листках.

В одинокой каюте впотьмах

Мне тебя не услышать сейчас.

Молю тебя, Вайолет, жди
Одинокой, претящей зимы.
На исходе третьей луны
Я вернусь к тебе в райские кущи.

«Жизнь увядает, вянут и цветы...»

Жизнь увядает, вянут и цветы,
До половины даже не пройдя,
Вновь обращаемся во прах.

Лишь листья остаются от цветов,
А от людей пустое кресло в доме
И вспоминанья в головах друзей.

«Риэ»

Жалкие попытки спастись
От
Толп безжалостных крыс,
Что
Город наводнили за нóчь.
И
Мор заменил людям жизнь.
Но
Разум с человечностью здесь
Всё
Живут, не покидая людей,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.